

Журнал "Работница"

№1, Январь 1957

УДК 64
ББК 37.279
Ж92

Ж92 Журнал "Работница": №1, Январь 1957 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 40 с.

ISBN 978-5-458-45478-0

Журнал "Работница" - старейший женский журнал. Первый выпуск вышел 23 февраля (8 марта) 1914 года. Изначально журнал выступал как площадка для острых политических высказываний того времени. В 1914 году из 7 изданных номеров 3 были конфискованы полицией. В период с 1918 года по 1920 года выпуск издания был временно прекращено, с января 1923 года - возобновилась в Москве. Позже у журнала пропала политическая подоплека и "Работница" стала первым журналом для женщин. Журнал "Работница" обладает особым искренним и доверительным стилем общения с читателем, что обеспечило журналу тираж более 13 миллионов экземпляров.

ISBN 978-5-458-45478-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НАЯ ГОРА

чем пять дочерей. Рано поняли дочери, что их жизнь, жизнь семьи, дома, города неразрывно связана с комбинатом. Мы переезжаем в новую, более просторную квартиру, и девочки знают: ее дал комбинат. Они идут в школу — там им говорят, какую роль играет комбинат в жизни страны. Наконец, видя, как год от года растет достаток в доме, они опять это связывают с комбинатом: ведь их отец за двадцать пять лет поднялся от рядового рабочего до начальника смены коксохимического цеха, окончил курсы мастеров, имеет несколько наград.

Вероятно поэтому дочери, вступив в жизнь, тоже пошли работать на комбинат. Старшая, Галина, нынче кончает горнометаллургический институт. Людмила после десятилетки окончила курсы электриков и работает дежурной на подстанции; она учится в втором курсе вечернего отделения того же института. Валентина также пошла на комбинат после школы, и сейчас она оператор листопркатного стана. Младшие, Татьяна и Ольга, — школьницы. Но пример отца и сестер у них перед глазами. Надо думать, что и они пойдут работать на комбинат.

Года полтора назад нашей семье дали двухэтажный коттедж. Теперь у нас пять комнат.

Из окон нашего коттеджа открывается прекрасный вид. По обоим берегам Урала раскинулся огромный город. Его надвое делит комбинат.

Смотрю я, как под вечер вспыхивают тысячи электраламп на улицах, как в темно-синем небе отсвечивают огни доменных и мартеновских печей, и думаю: мне: нашей молодежи есть чему поучиться у своих отцов и матерей — строителей Магнитки!

Оля — младшая в семье Рясковых. Но сейчас ее все внимательно слушают: она читает новые стихи, которые выучила в школе.

Магнитогорский металлургический комбинат.

Женщины у блуминга

Оператор блуминга почетный металлург Мария Шавилова.

Большой, длиной в несколько сот метров корпус. Когда поздно вечером мы подходили к нему, казалось, что он до крыши наполнен пламенем: его окна светились оранжевым светом. Войдя внутрь, останавливаемся. Над головой проплывает мостовой кран. Его клешни выхватывают из нагревательной печи раскаленный семитонный слиток стали, переносят его за десятки метров на рольганг. Так начинается путь слитка через блуминг — огромный агрегат, занимающий целое здание. Пройдя все его посты — обжимные валы, ножицы, — слиток превращается в заготовки, которые потом попадают в прокатные станы и становятся мотками проволоки, листами стали.

В застекленной кабине, приподнятой метра на три над рольгангом, на посту у главных ножиц мы и нашли оператора Марию Федосеевну Шавилову. Перед нами была молоденькая женщина. Даже не верилось, что ей 31 год, что она уже несколько лет носит звание «Почетный металлург».

Мария Федосеевна быстро передвигала рукоятки контроллеров. Слиток подошел к посту и остановился. Мария Федосеевна нажала ногой педаль, и ножицы разрезали металл, словно это был брусок масла.

Тут же, на посту, в короткие свободные паузы Шавилова рассказала нам о своей жизни, о цехе.

Рассказ Марии Федосеевны Шавиловой

Семнадцатилетней девушкой в 1942 году пришла я в обжимной цех. Тысячи смен позади. Но каждый раз, приходя на пост, как и в первый день, я волнуюсь. Оттого, что управляешь машиной, которая так запросто справляется с крепчайшим металлом, чувствуешь себя очень сильной, как-то особенно остро ощущаешь значительность труда рабочего человека.

Многое изменилось в нашем цехе за время, что я работаю на блуминге. Когда-то, во время войны, высокой производительностью считалась обработка за смену 200—250 слитков. Позже, в 1946 году, наша бригада прокатала за смену 316 слитков. Тогда это было рекордом. А теперь мы изо дня в день прокатываем больше 500 слитков, а иногда и 600. Бригада, в которой я работаю, в прошлом, 1956 году дала сверх плана свыше 12 тысяч тонн металла. Производительность труда у нас возросла почти на 10 процентов.

Как мы этого достигли? Прежде всего за счет механизации и автоматизации производственных процессов. В этом деле у нас участвуют все, от рядового прокатчика до инженера.

Некоторое время назад на блуминге была установлена вторая клеть с валами. Это увеличило производительность агрегата. Сейчас сооружаются две новые группы нагревательных печей. В ближайшие месяцы мы сможем прокатывать еще больше слитков.

Лучше стали и условия труда. На ряде постов устроена дополнительная вентиляция. А скоро, когда инженеры решат проблему комплексной автоматизации, мы уже будем только следить за приборами, которые за нас начнут командовать блумингом.

У нас в цехе немало женщин. И, конечно, хочется, чтобы общественные организации, администрация комбината проявляли больше заботы о дальнейшем улучшении условий труда женщин.

А тут есть над чем подумать. Взять хотя бы наш обжимной цех. Помыться нам после смены трудно: в небольшой душевой очень тесно, приходится долго ждать в очереди. Нет у нас и комнат женской гигиены. Правда, строится новое бытовое помещение, но работа там идет очень медленно.

Главный архитектор Магнитогорска Ирина Рожкова и заместитель главного инженера треста «Магнитострой» Иван Ковяхин у нового дома на проспекте Металлургов.

На правом берегу

В один из первых дней нашего пребывания в Магнитогорске в горсовете нас спросили, были ли мы на правом берегу.

— Нет, — ответили мы, — не были.
— Ну, тогда вы не видели еще Магнитогорска, — заявили нам. — Найдите главного архитектора города Ирину Николаевну Рожкову, она вам все расскажет. Рожкову мы застали в кабинете заместителя председателя горсовета. Опять, как и при встрече с Шавиловой, нас постигло «разочарование»: думали встретить маститого градостроителя, а Ирина Николаевна оказалась совсем молодой и очень милой женщиной. Из-под черной меховой шапочки выбивались светлые волосы. Улыбалась она слегка застенчиво. А глаза испытующе смотрели на нас, словно спрашивали: «Много ли времени вы у меня отнимаете?».

В машине разговорились. Нет, Ирина Николаевна не такой уж молодой архитектор. Десять лет назад окончила институт, работала в Челябинске, была районным архитектором, а потом ее уговорили поехать сюда, в Магнитогорск. Сначала побоялась ответственности, объема работ, но теперь уже твердо стоит на ногах. Недавно даже в Китай ездила с делегацией советских архитекторов, значит, уважение и авторитет завоевала.

Машина, обогнув комбинат, выехала на дамбу. По бокам плескались темные воды озера. В этом месте, несмотря на мороз, оно не замерзает: в него выпускают

отходы горячей воды с комбината. Густые пары плотным туманом заволакивают дамбу — едем медленно, с заколебанными фарами. Туман разрывается, и на лице Ирины Николаевны появляется довольная улыбка. Она заметила наше восторженное удивление. В каком-нибудь километре впереди мы увидели город. Да какой! От полукруглой площади веером расходятся широкие улицы с пяти — шестизэтажными зданиями, правильным прямоугольниками кварталов не видно конца...

— Вот наш правый берег! — с нескрываемой гордостью говорит Ирина Николаевна.

Останавливаемся у кинотеатра имени Горького. Это район первоначальной застройки. Ирина Николаевна ведет нас по улице, показывает планировку кварталов.

Дует резкий ветер. Мы быстро кочеем. Но главный архитектор не замечает ни ветра, ни наших посиневших носов. Быстрыми, легкими шагами она переходит из двора во двор, с улицы на улицу. Говорит Ирина Николаевна о городе так горячо, с такой любовной гордостью, что мы невольно заражаемся от нее этим чувством.

Беседа с Ириной Николаевной кончается у нее в кабинете. На столе лежит генеральный план застройки правого берега. У нас, конечно, возникло много вопросов. Ирина Николаевна подробно ответила на каждый из них.

Вопрос. — Почему возникла необходимость застройки правого берега?

Ответ. — Магнитогорск родился и рос вместе с металлургическим комбинатом, который раскинулся на левом берегу реки Урала. Население города увеличивалось с невиданной быстротой. Через два года после начала строительства комбината здесь уже жили 90 тысяч человек. По первоначальному плану, жилищное строительство должно было развернуться рядом с комбинатом. Но затем выяснилось, что ветер чаще всего относит дым из труб комбината в сторону жилых кварталов. Стало ясно, что на правом берегу искусственного озера, образованного плотиной на реке Урале, место для города более удобное. К сожалению, Великая Отечественная война оттянула начало массового жилищного строительства в новом районе. Зато после окончания войны строительство пошло полным ходом.

Вопрос. — Какие удобства создаются для жителей нового района Магнитогорска?

Ответ. — Квартиры в новых домах не уступают по удобствам лучшим столичным квартирам. В них просторные, светлые комнаты, центральное отопление, ванны с горячей водой, кладовые, стальные шкафы, мусоропроводы. В ближайшие годы появится и газ — уже строится городская газовая сеть. Ежегодно более 2 тысяч семей магнитогорцев празднуют новоселье в благоустроенных квартирах на правом берегу. Нас, архитекторов и строителей, это, конечно, радует. Но мы знаем, что строить надо еще лучше и быстрее.

Сейчас в зданиях, которые закладываются, будет по-новому проведена планировка. Мы отказались от длинных, бесполезных коридоров, решили делать больше одно — двухкомнатных квартир.

Вопрос. — Что делают строители, чтобы облегчить быт женщин?

Ответ. — Об этом мы много думаем. Я уже говорила о планировке квартир. Архитекторы продумали планировку целых районов. Не так давно строители сдали группу кварталов, ограниченных проспектом Металлургов и улицей Жданова — магистралью с большим движением транспорта. В центре этого района вдоль тихой улицы Калинина размещены три школы, четыре детских сада и ясли. В каждом жилом здании имеется хозяйственный блок: домовые прачечные, помещения для мастерских домоуправления, мусоросборные камеры и гаражи для легковых автомашин. Дворы у нас озеленяются. Кроме того, в каждом микрорайоне устраиваются небольшие скверы. По образцу этого микрорайона будет вестись строительство города и дальше. От такой планировки выигрывают все жители — и маленькие и большие. Матерям не надо далеко везти детей в ясли и детский сад; эти учреждения рядом. Школьники, идя на учебу, не будут переходить улиц с большим движением транспорта. Домохозяйки имеют под рукой все, что необходимо в быту.

Вопрос. — Каковы перспективы строительства правобережного района?

Ответ. — В ближайшие годы магнитогорцы получают здесь почти мил-

лион квадратных метров жилой площади. К 55 школам, 60 детским садам и 23 детским яслям города добавятся еще несколько десятков детских учреждений.

Там, где сейчас пока еще заснеженная степь, раскинется новый центр Магнитогорска с крупными общественными зданиями. Начинается сооружение нового здания Дворца металлургов со зрительным залом на 1200 мест. Ведется строительство центрального стадиона на 40 тысяч зрителей. Вдоль набережной Урала протянется несколько парков.

Через несколько лет магнитогорцы получат телевизионный центр, Дом пионеров, гостиницу, новый вокзал, большую больницу и много других общественных зданий.

На Магнитогорском комбинате каждый четвертый человек учится, повышает квалификацию.

На вечернем отделении Горнометаллургического института учится около 500 человек, из них более 100 женщин и девушек. Все они работают в цехах комбината.

Вот одна из будущих инженеров-металлургов, контролер ОТК листопрокатного цеха Людмила Сыпкова. Она окончила школу рабочей молодежи и теперь учится на четвертом курсе института.

Репортаж Мирослава БУЖКЕВИЧА. Фото Н. МАТОРИНА и А. МОКЛЕЦОВА.

Волнения ПОЛИНЫ ИВАНОВНЫ

Женщина — жена, друг, товарищ, мать. Работает ли она рядом с мужем у станка или несет всю нелегкую домашнюю работу и воспитывает детей, — от нее, от ее энергии и старания в значительной степени зависит работа целых предприятий и новостроек.

Однако в последнее время домашние хозяйки стали меньше привлекаться к участию в общественной жизни предприятий, на которых работают их мужья. А ведь в годы первых пятилеток тысячи женщин-общественниц, жен рабочих и служащих были вдохновителями и зачинателями многих хороших дел, помогавших выполнять программу, устраивать быт рабочих. Опыт здесь накоплен большой.

Желание у женщин-домохозяек активно участвовать в общественной жизни есть. Об этом свидетельствуют и письма, поступающие в редакцию. Дело только за тем, чтобы организовать эту активность. Слово за партийными, профсоюзными организациями фабрик, заводов, новостроек!

Мы открываем в нашем журнале страничку общественниц, в которой будем рассказывать об их работе.

Идем от вас, наши читательницы, писем по этому вопросу. Делитесь своим опытом, своими мыслями и предложениями!

С родительского собрания Полина Ивановна Микруха шла в глубоком раздумье. Нет, дочка ее не огорчает. Учительница похвально отзывается о девочке. Но чего же ей, Полине Ивановне, не хватает? У нее дружная семья. Три дочери. Муж — знатный экскаваторщик. Вместе с ним она уже тридцать лет путешествует по всей стране со стройки на стройку. Теперь они живут в городе строителей Сталинградской ГЭС. Дел у Полины Ивановны не так уж много. Кроме хлопот по дому, в которых ей помогают дочери, иногда надо заглянуть в школу. Вот и все. Именно это и тревожит ее. Ведь раньше она жила иначе.

И вспоминается ей далекий зимний вечер, когда впервые пришла она с мужем на собрание строителей канала Волга — Москва.

...За стенами небольшого деревянного домика шумят сосны. Тихо стучится в окна снежная крупа. За столом, покрытым красной скатертью, стоит высокий человек в расстегнутом полушубке.

— Дорогие товарищи! — говорит он. — Наш строительный район незря называется горячим словом «Темпы». Надо бороться за каждый день, за каждый час и минуту, чтобы быстрее пришла в столицу волжская вода.

Он помолчал немного, посмотрел в притихший зал: рядом с ушаками мужчин светлели женские платки.

— Товарищи женщины, домохозяйки наши! И вы строите канал. И в ваших руках план...

Полина Ивановна вспоминает, как при этих словах она взволновалась, потянулась к сцене, стараясь не пропустить ни слова. Она хотела понять: как же это от нее, женщины-домохозяйки, зависит план?

А человек на сцене, словно угадав ее мысли, продолжал:

— Да, многое в ваших руках. Как мужа встретите, чем накормите — так он и работать будет. — И мужчина широко улыбнулся. — Дома должно быть тепло... Сердцу тепло...

Тогда, на собрании, Полина Ивановна чувствовала себя еще гостем. Както непривычно звучали названия механизмов, цифры, сводки. Потом она привыкла. Все чаще в поселке строителей появлялись рукописные афиши, сообщавшие об очередном производственном собрании: «Явка рабочих и их жен обязательна». И Полина Ивановна приходила на них уже не гостем, а членом дружного коллектива строителей. Однажды даже выступила...

Только ли присутствие на собраниях рождало это замечательное чувство слитности ее, домохозяйки, с коллективом рабочих? Нет, конечно. Она практически участвовала в общем деле.

Проводив на смену мужа, накормив детей, Полина Ивановна тоже шла на работу. Она осматривала комнаты молодежного общежития, проверяла чистоту полов и свежесть постельного белья, спрашивала, не мерзнут ли строители, исправно ли радио. Знали женщины, чем поинтересоваться, как сделать, чтобы в общежитии было подомашнему хорошо и уютно. А если надо было, засучивали рукава, надевали передники и помогали навести порядок. Матери особенно хорошо понимают, как важно человеку, едва перешагнувшему порог юности, помочь разобратся в людях и чувствах, научиться ценить труд, распределять свое время и заработанные деньги. Молодые строители канала Москва — Волга видели в них близких друзей. Приходили женщины, ласковые и внимательные, с понимающими глазами и добрыми работающими руками, как и у их матерей.

«Как вы мужа встретите, чем накормите...» — эти слова запомнились Полине Ивановне.

Но ведь не каждого ждет дома мать, жена. Не у всех есть кому приготовить вкусный обед. И тогда идут строители в столовую.

На другой стройке, в Средней Азии, домохозяйки, а среди них и Полина Ивановна, следили за порядком в столовых, присутствовали при закладке продуктов, добывались, чтобы обеды были вкусные и разнообразие. Часто, придя во время обеденного перерыва в столовую, Полина Ивановна вместе с подругами надевала халат, помогала официанткам.

Жены рабочих, домохозяйки, чувствовали себя членами большого коллектива, строящего не только новые гидростанции и каналы, но и новую жизнь. Они не замыкались в своих семейных делах, а несли большие общественные обязанности, играли на производстве немаловажную роль. Именно поэтому они не просили, а требовали, и с требованиями жен рабочих считались все.

На одной из строек как-то собрались женщины в красном уголке общежития и пригласили на собрание начальника участка.

— В чем дело, товарищи женщины? — спросил он.

— Магазины продуктового у нас нет. Ходить далеко приходится.

— Будет вам ларек, — пообещал начальник.

Слово свое он сдержал...

«А сейчас? — думает Полина Ивановна, подходя к воротам своего дома. — Каждый из нас поворчит, поворчит, если что не так, да и успокоится: наше ли это дело, есть ведь всякие комиссии, а нас туда не зовут».

Полина Ивановна вошла во двор. На скамейке сидели женщины. Одна из них рассказывала:

— Сегодня белье вывешивала эта, новенькая, синее-пресинее...

«Вот, — подумала Полина Ивановна, — накормила мужа, уложила детей — и на скамейку судачить. А дай каждой из них дело в руки, отпадет охота соседям косточки перемывать...»

* * *

О том, что передумала Полина Ивановна, о чем вспоминала, она рассказала мне.

— Не мастер писать я, — заметила Полина Ивановна, — а надо бы обо всем этом написать. Почему совсем недавно жены рабочих, домохозяйки, привлекались к общественной жизни, почему тогда с нами считались, советовались, а сейчас не замечают?

Обида, волнения Полины Ивановны понятны. Очень важный поднимает она вопрос. Жен рабочих и служащих опять должны видеть в цеховой столовой и молодежном общежитии, на производственном совещании и заседании профсоюзного комитета.

— Правильно я говорю, товарищи женщины? — спрашивает Полина Ивановна Микруха.

И. РУДЕНКО

Сталинградгидрострой.

«МЫ ОСТАЕМСЯ В СТРОЮ!»

Недавно в городе Иванове на фабрике имени рабочего Федора Зинovieва состоялось интересное и важное собрание пенсионеров. Это собрание созвали партком и фабком.

Пришли все. Пришли с большой радостью. Оживленно здоровались, улыбались друг другу. Эта улыбка словно говорила: вот мы и опять все вместе, а горевали, что про нас забудут, тревожились, как будем жить без коллектива.

Секретарь парткома фабрики Павел Иванович Бычков сказал именно то, что хотели услышать старые кадровые рабочие и работницы, ушедшие на пенсию.

— Вы, товарищи, — большая сила. Вы нам можете помочь и опытом и смекалкой, а общественная работа сделает вашу жизнь более содержательной. Вот и хотим мы поговорить с вами... Только не подумайте: опять, дескать, собирается запричь нас в какую-нибудь тележку...

Все засмеялись. Кто-то сказал с места:

— Ну что ты, Павел Иванович, мы сами рады, без дела невмoguт.

Так началось это собрание. Один за другим стали высказываться пенсионеры.

Поднялась на трибуну Вера Никандровна Мялова, одна из старейших ивановских коммунисток. 75 лет Вере Никандровне, но ее частенько видят и в цехах и в общежитиях беседующей с молодыми рабочими. Недавно ее как участницу революции 1905 года правительство наградило орденом.

— Работать мы хотим и будем. Любое поручение выполним.

— Хорошо сделали, товарищи, что собрали нас, пенсионеров, — вторила ей Таисия Ивановна Шувандина, депутат областного Совета. — Мы можем принести пользу и фабрике и семьям рабочих.

На снимке вверху: собрание пенсионеров на ивановской фабрике имени рабочего Федора Зинovieва.

Фото М. Баладина.

Обращение к пенсионерам

Мы, пенсионеры, впервые после ухода на отдых собрались, чтобы вместе обсудить вопрос, как в дальнейшем осуществлять нашу связь с коллективом фабрики.

Мы не мыслим эту связь только как встречи с рабочими на торжественных вечерах перед праздниками.

Не привыкли мы, рабочие люди, стоять в стороне от общественных дел, а их у нас, и на фабрике и вокруг нее, много. Мы хотим участвовать в них по мере своих сил и возможностей, хотим помогать нашим общественным организациям.

Среди нас есть работницы, ушедшие на пенсию несколько лет назад. Однако они не потеряли связь с фабрикой и ведут активную работу. Вера Никандровна Мялова, несмотря на свои 75 лет, часто проводит беседы с молодежью. Эти беседы очень полезны молодым рабочим. Таисия Ивановна Шувандина, депутат областного Совета, выполняет поручения партийной организации фабрики. Пенсионерка Наталья Филипповна Грязнова — одна из лучших пропагандистов фабрики. Мария Алексеевна Соловьева, Анна Григорьевна Плюхина и многие другие тоже занимаются общественной работой.

По их примеру будем работать и мы. Нам немало, около трехсот человек. Мы можем передавать свой производственный опыт молодым рабочим.

Можем помогать в работе общественных столовых, участвовать в рабочем контроле, добиваться, чтобы питание рабочих стало и вкуснее и дешевле, чтобы лучше работали магазины, прачечные.

Мы примем участие в контроле за строительством жилых домов и детских учреждений, поможем благоустроить фабричные дома, озеленить поселки.

Нас ждут дети. Многие из нас могут возглавить родительские комитеты во дворах, организовать кружки детской самостоятельности, водить ребят на экскурсии и прогулки, следить за ними, пока их матери не придут с работы.

Нас ждут и в детских учреждениях: в детском доме, в детских садах и яслях, в интернате, в детской секции клуба, в школах. Мы можем помочь учителям, которые взяли на себя руководство группами продленного дня в школах.

Мы хотим также организовать свой хор старых производственников.

А для того, чтобы наша работа проходила организованно и успешно, мы создали Совет пенсионеров при фабкоме.

Мы уверены, что не только мы, пенсионеры фабрики имени рабочего Федора Зинovieва, от всей души включаемся в общественную работу на благо Советского государства. Думаем, что так действуют и на других предприятиях. А если где пенсионеры еще не взялись за это важное, благородное дело, пусть последуют нашему примеру.

Пенсионеры фабрики имени рабочего Федора Зинovieва

г. Иваново.

Наталья Филипповна Грязнова рассказала, как тяжело ей было первое время после ухода на пенсию. Тосковала по коллективу. А потом взяла себя в руки, начала работать с молодежью. И получает большое удовлетворение от этой работы.

— Мы обеспечены, пенсию нам дали хорошую. Но счастье ведь не в деньгах.

Все одобрительно закивали.

— Хочется пользу приносить Родине, чувствовать, что и ты помогаешь общему делу.

На собрании был избран совет пенсионеров из 11 человек.

Собрание приняло обращение к пенсионерам, которое мы помещаем на этой странице.

А. АШМАРИНА

СЕКРЕТАРЬ СУДА

Рассказ

В. ПОМЕРАНЦЕВ

Леля пришла на работу семнадцати лет, но выглядела совсем еще девочкой. Она была маленькая, милостливая, немного курносенькая. Привычки у нее были ребячьи: она могла подолгу сосать карандаш, а иногда клала локти на стол, подпирала подбородок руками и, ни на кого не обращая внимания, слушала судебное следствие так, словно это ей сказку рассказывали. Я говорил ей, что протоколистке неудобно так забываться. Она обижалась:

— Вы с меня протоколы должны спрашивать, а не поведение.

Протоколы не вызывали у меня нареканий. Даже удивительно было, что этакий полурбенок так правильно ведет запись процесса, схватывая именно нужное. Ее протоколы были взрослей и умней, чем она. Сама же она была своевольной, упрямой и часто держала себя вызывающе.

Однажды она вообще прогуляла. А когда на другой день пришла, то волосы ее напоминали барашковый мех.

— Почему вас вчера не было на работе? — спросил я официально и строго.

— А вы не видите? Просидела весь день в очереди на перманент.

От такого ответа я просто опешил.

Сделать прическу у нас действительно было проблемой. В городе имелась только одна парикмахерская, а базарных и банных дней было целых четыре. В эти дни стриглись колхозники, и к мастерам трудно было пробиться. Пятый день был детским и школьным, когда взрослых не стригли. Практически в парикмахерскую можно было попасть только в субботу, и служащие районных учреждений устремлялись туда в этот день. Но из трех мастеров ни один не был дамским. А дамский парикмахер приезжал к нам из соседнего района на гастроли два раза в месяц. К нему велась предварительная запись: манной перманента были охвачены все молодые женщины города...

— Вы понимаете, что такое работа и дисциплина? — спросил я, едва сдерживая себя.

— Понимаю. Можете меня уволить.

— А вы думаете, я буду с вами все время возиться? — сказал я угрожающе.

— Ну и пожалуйста! Я пойду на консервный. Там девушки зарабатывают в два раза больше. У меня подруга только полгода назад поступила, а уже сколько нашила себе. Это только я, дура, торчу тут.

Она чувствовала, что я в ней нуждаюсь, знала, что везде может устроиться, и держалась поэтому с дерзкой уверенностью. А я смотрел на ее испорченную нелепыми завитками головку и злился, что не могу попросту отшлепать девчонку. Я был перед ней совершенно бессилен, потому что не мог бы найти в нашем глухом районе такую протоколистку, да еще на оклад, который был много меньше заработка фабричных работниц. Приходилось терпеть.

А терпеть надо было и срывы в настроении Лели.

Иногда она целую неделю бывала веселая, общительная и, подшив свои протоколы, подсаживалась к секретарю нарсуда и добровольно помогала ей писать отношения, без умолку при этом болтала. А то вдруг начинала швыряться, дерзить. В этих случаях я старался делать вид, что ничего не замечаю, но это злило ее еще больше.

— Что с вами творится? — не выдерживал я. — Как вы позволяете себе разговаривать!

— А что я такого сказала? — спрашивала она, а потом вдруг выпаливала: — Вы не нравитесь мне, вот и всё. Не нравится, как вы приговоры выносите.

Я не знал, что на это ответить. А она начинала ожесточенно доказывать, что такому-то надо было столько-то дать, а такого-то вообще отпустить. И я должен был или отмалчиваться от критического наскока своей протоколистки, от ее суда над судом, или оправдываться, объяс-

От-56

Рисунок А. Николаева.

нять и внушать. Но разубеждать в чем-нибудь Лелю было не просто.

В большом коллективе Лелю быстро обтесали бы. В суде же, где было всего четыре работника, ее своевольничанье продолжалось более года, пока случай не заставил ее повзрослеть.

Секретарь участка Дарья Степановна, пожилая, опытная и спокойная женщина, проработавшая в суде много лет, покидала родной городок. У ее дочери родился ребенок, и Дарья Степановна навсегда оставляла работу, чтобы отдаться радостно-грустному призванию бабушки. В городке, конечно, об этом сразу стало известно, и ко мне обратился инспектор райфинотдела с просьбой взять на место Дарьи Степановны его дочь.

Я поговорил с этой девушкой и в восторг не пришел. У нее был разборчивый почерк — и только. Ни минуты не был бы я спокоен за то, как она ведет канцелярию,

статистику и прием посетителей. Ведь секретарь участка — это второе лицо после судьи!

Мой кабинетик был отгорожен от канцелярии только фанерной перегородкой. Леля слышала весь разговор с будущим секретарем и сразу после этого, когда я еще ни на что не решился, влетела ко мне:

— Если вы сделаете эту дуру моей начальницей, я сейчас же уйду. Я ни дня у вас не останусь.

Она хотела еще что-то сказать, но вдруг зарыдала.

— Что с вами, Леля? В чем дело?

Она плакала по-ребячьи, с надрывом.

— Как в-вам не стыдно! — услышал я между всхлипываниями. — Я р-р-раб-ботаю год, а вы... Я от Дарьи Степановны все знаю, а она... т-только пришла...

Мне и в голову не приходило возложить на недисциплинированную и своенравную протоколистку попечение о судебном участке. А тут я задумался... Ведь она вправду была на голову выше той кандидатки.

И Леля стала секретарем.

Самый внимательный наблюдатель не увидит, как поднимается в росте трава. Но не нужно было никакой наблюдательности, чтобы видеть, как росла в новой должности Леля.

Приняв дела от Дарьи Степановны, она прежде всего переложила их в новые папки, покрасивее их надписала и забрала домой инструкции Министерства юстиции о делопроизводстве в судах. Эти длинные и скучные вещи она одолела довольно быстро ночами, а днем с необычайной приветливостью принимала посетителей. Ей явно нравилось, что ее стол самый большой в канцелярии и занимает главное место, что все приходящие обращаются к ней и она может им объяснить, толковать и советовать, до меня доносившись ее разговоры:

— Не беспокойтесь, мамаша. Никуда вам ездить не надо. Вы только дайте нам адрес сына и узнайте, как его завод называется. А сколько он зарабатывает, мы сами запросим. Отошлем на завод исполнительный лист, и вам будут по почте переводить.

Слушая ее разговоры, я удивлялся, как много она за год неприметно узнала, усвоила.

Но бывало, что она отвечала неправильно. Тогда я выходил, поправлял.

Она потом со мной объяснялась:

— Зачем вы слушаете, что я говорю?

— Но вы объяснили человеку неверно.

— Все равно, вы не должны мой авторитет подрывать.

Мы условились, что она не будет меня подменять и не станет спешить с ответами, по которым требуются мои указания. После этого она стала хитрить с людьми:

— Этот вопрос очень серьезный, — слышал я ее голос, — нам надо в нем разобраться. Вы оставьте документы, мы прочитаем, подумаем. Зайдите завтра в это же время, я вам скажу, как мы решим.

Она стала засиживаться до полуночи, читая популярные юридические брошюры и кодексы.

Через несколько месяцев я уже не чувствовал отсутствия Дарьи Степановны, и в канцелярии оставалась одна только еще хромавшая часть — цифровая отчетность.

Секретарю приходилось заполнять множество длинных таблиц. И стоило нам с какой-нибудь из них запоздать, сейчас же следовало грозное напоминание из области.

С первых же дней вступления Лели в секретарскую должность отправка таблиц у нас заметно застопорилась. Статистика была не по ней. Она отравляла ей радость нового дела. Областные статистики начали забрасывать нас телеграммами. За пренебрежение к инструкции об отчетности нам грозили всякими карами. Эта инструкция сделалась Лелиной мукой, Лелиным адом, бичом ее жизни. Я пытался учить Лелю, клал на свой стол злополучную инструкцию, изданную отдельной объемистой книжкой, таблицы, в которых Леля напутала, сажал ее рядом с собой, начинал вразумлять.

Этих уроков статистики она не выдерживала.

— Оставьте, пожалуйста. Сама знаю, как заполнять.

— Так почему же мы получаем замечания?

— Потому что мне эти таблицы противны. Никому они не нужны, — отвечала она. — Там просто какие-то старикашки сидят, ничего другого уже делать не могут, вот и играют цифрами.

— Ну что вы болтаете. Ведь...

— Не болтаю, а говорю то, что есть, — закипала она. — У нас в месяц нет и тридцати подсудимых, а заполнять о них надо больше тысячи граф. Сначала давай ведомость об осужденных и показывай, за какие они проходили дела, а потом делай ведомость о движении дел и показывай, какие проходили по ним осужденные! Ведь это ж комедия! А из-за этой комедии житья не дают. И выдумывают, будто это для государства так надо. А я знаю, что не может быть «надо», ведь вижу, что одни и те же сведения делаю.

Она вставала, брала у меня со стола злополучные ведомости и с отвращением принималась за них.

И вот однажды, когда мы получили очередной нагоняй, сделанный в особенно резких тонах, Леля засела писать какую-то большую бумагу. Писала она ожесточенно и быстро. Писала до ночи.

— Что это вы сочиняли? — спросил я ее, когда мы уходили домой.

— Письмо, — сказала она.

А затем я заметил, что почта перестала нам приносить нагоняй.

— Что это, статистики забыли о нас? — спросил я, позревая, что, может быть, Леля мне не всю почту показывала.

— А я почему знаю! — отвечала она.

Через месяц к нам неожиданно прибыл главный статистик, подпись которого обычно стояла на сердитых бумажках из области. Он не был старикашкой, каким представляла себе его Леля, но и в женихи уже не годился. Когда гость отрекомендовался, я подумал, что он приехал наставлять нас, но мое опасение сразу перешло в удивление.

— Вот прибыл согласно вашей инструкции. — заговорил он совсем не начальнически. — Хотим составить с вами проекты табличек... Сократить учет и отчетность облегчить... Согласно вашей инструкции...

— Какой нашей инструкции? — ничего не понял я из его предисловия.

— Это у нас так прозвали... Хе-хе... Ваше письмо министр прозвали так...

И тут я узнал, что письмо, которое писала Леля, адресовалось министру юстиции.

Я прочитал его и изумился решительности, страсти, логике и суровости тона. В этом письме сказала Леля — прямая, необузданная, но обладающая не только коготками, а и думающей, крепкой головкой.

Ох, и разнесла же она статистиков! Им, наверное, оставалось только моргать и потеть, читая такую бумагу. А министр, вероятно, улыбался, покашливал, качал головой, снова улыбался и снова покашливал... Потому что доводы автора отразить было трудно.

Ну что можно было возразить против того, что незачем делить возраст осужденных на четырнадцать граф!.. Как было не согласиться, что подробные сведения об оправданных вообще не нужны. И нельзя было отрицать, что таблицы перепевают друг друга, что статью, по которой осужден обвиняемый, вовсе не нужно в разных местах проставлять девять раз. «Это все равно, — поучала Леля статистиков, — что выучивать одни и те же стишки и по книжке, и по нотам, и по хрестоматии...»

В письме приводились десятки примеров, каждый из которых заключался выразительной фразой, вроде: «Это же дурость!» или «Это ж комедия!»... Так исписаны были девять больших страниц. Леля вложила себя в это письмо целиком — свой свежий взгляд на порядок вещей, отвращение здорового, молодого рассудка к застою и бессмысленным действиям и опыт безнаказанности дерзкой девчонки, которую учителям и родителям было недосуг обтесать.

Я читал, восхищался, дивился, кривился. А Леля, гордая результатом письма, счастливая, с заблестевшими глазками, позабыла вдруг о солидности, с которой держалась пять месяцев, позабыла о том, что в канцелярии сидят ее подчиненные и посетители, и стала, торжествуя, строить затылку областного статистика рожицы. Это было недостойно победителя, но давало, видимо, выход обуревавшим его радостным чувствам.

И я не сделал потом замечания Леле. От человека, составившего умную деловую «инструкцию», нельзя было требовать, чтобы он находил еще и разумные формы для выражения своих ощущений. Нельзя с одного столько спрашивать!

Все больше добывается нефти на промыслах треста «Андижаннефть» в Узбекистане. На снимке: геолог Октам Назарова и старший инженер Ганиджан Алиджанов исследуют действующую скважину на промысле Ходжиабат. Фото Г. Зельма.

У работницы песцовой фермы Кольского зверосовхоза Павлы Федоровны Лапшиной много воспитанников — голубых песцов.
Белая Муська — самый любимый из них.

Фото Н. Маторчина.

Дневник РАБОТНИЦЫ

70 лет на сцене

Кто не знает старейшую актрису Академического Малого театра народную артистку Советского Союза Александру Яблочкину!

Недавно общественность отметила 70-летие сценической деятельности этой замечательной артистки, отдающей любимому искусству весь свой большой талант.

Народная артистка СССР А. А. Яблочкина.

А. А. Яблочкина пришла в Малый театр в то время, когда на его сцене играли корифеи русского драматического искусства М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова, А. П. Ленский, В. Н. Давыдов, А. И. Южин и другие. «Сестрой по духу» называла Александру Яблочкину великая русская актриса М. Н. Ермолова.

В годы гражданской войны и разрухи Малый театр продолжал работать, обслуживать рабочих, бойцов Красной Армии, интеллигенцию городов и сел молодой Советской республики. Один из таких зимних концертов особенно запомнился Александры Александровне.

...Мороз в давно не топленном помещении клуба имени Калеева поставил труппу в затруднительное положение: актерам, особенно женщинам, было физически невозможно надеть легкие, открытые платья героинь пьесы Островского. Концерту грозил срыв. Тогда к публике обратилась Александра Александровна:

— Если вы согласитесь, мы разыграем перед вами пьесу в своих собственных шубах и валенках сапогах... Но мы обещаем вам играть так, как мы играли на лучших своих спектаклях!

— Даешь! Молодцы, товарищи артисты! — дружно ответили зрители. Спектакль прошел с колоссальным успехом...

Таких эпизодов актриса может рассказывать сотни.

Александры Александровне около 90 лет, но она по-прежнему полна интереса к жизни, к делам Всесоюзного театрального общества, которым бесценно руководит с 1915 года, продолжает играть на сцене. Недавно Александра Александровна выступила в роли учительницы Горичевой в пьесе Корнейчука «Крылья», в которой вновь показала зрителям немеркнувший, негасимый временем талант.

В 1939 году, обращаясь к выпускникам театрального училища имени М. С. Щепкина, А. А. Яблочкина говорила:

«Любите свое искусство и театр больше самих себя... Держите высоко знамя Малого театра... будьте достойными гражданами нашей прекрасной Советской страны!»

Эти слова являются жизненным девизом художника-гражданина Александры Александровны Яблочкиной.

Татьяна ДОСТУПОВА

«Работница» № 1.

Н. Юнземи.

Л. Латынина.

Е. Дементьева.

Т. Тышкевич.

Триумф советского спорта

Больше двух недель — с 22 ноября по 8 декабря 1956 года — проходила острая спортивная борьба на Олимпийских играх. Для участия в этих крупнейших международных состязаниях в далекий австралийский город Мельбурн съехались лучшие спортсмены 68 стран мира.

Олимпийские игры — традиционные соревнования спортивной молодежи мира. Проводятся они раз в четыре года. Советские физкультурники впервые приняли участие в XV играх, которые проходили в г. Хельсинки в 1952 году. Уже тогда наши спортсмены завоевали славу сильнейших в мире, разделив первое место с опытной командой США. Триумфальным было выступление советских спортсменов на XVI Олимпийских играх. В итоге напряженной борьбы они вышли на первое место, завоевав 88 медалей — 37 золотых, 29 серебряных и 32 бронзовых — и набрав 622 очка. Команда США, занявшая второе место, наимного отстала от советских олимпийцев: она набрала 497 очков и получила 14 медалей (32 золотых, 25 серебряных, 17 бронзовых).

Первым олимпийским чемпионом стал выдающийся советский бегун Владимир Куц. В первый день состязаний он победил в беге на 10 тысяч метров. Через пять дней Владимир Куц завоевал вторую золотую медаль, став чемпионом в беге на 5 тысяч метров.

Особенно успешно выступали советские спортсмены в состязаниях по классической борьбе, боксу, гребле, гимнастике. Чемпионами Олимпийских игр стали борец Николай Соловьев, боксер Владимир Сафронов, гребцы Александр

Беркутов и Юрий Тюкалов и многие другие. Достойным завершением выступлений спортсменов СССР была победа нашей сборной футбольной команды над командой Югославии в последний день соревнований.

Среди 325 участников команды Советского Союза было много женщин и девушек. В блестящей победе советского спорта есть и их большой вклад. Девять из них награждены золотыми медалями.

Римжанка Инеса Яунземи оказалась сильнейшей в метании копья. Ленинградка Тамара Тышкевич дала всех толкнула ядро, обойдя свою постоянную соперницу рекордсменку мира Галину Зыбину. Молодая спортсменка из Костромы Елизавета Дементьева обогнала всех на байдэрке-одиночке.

Но подлинным триумфом наших спортсменок было их выступление в соревнованиях по гимнастике.

Лариса Латынина теперь известна как лучшая гимнастка мира. Она награждена тремя золотыми медалями, став олимпийской чемпионкой в многоборье, вольных упражнениях, опорных прыжках. Звание олимпийских чемпионок завоевали также Софья Муратова, Тамара Манина, Полина Астахова, Лидия Калинина, Людмила Егорова.

XVI Олимпийские игры явились значительным событием в мировой спортивной жизни. Вместе с тем они имеют международное значение как важный фактор в борьбе за мир и дружбу народов. Советские спортсмены с честью пронесли на этих состязаниях знамя нашей Родины.

Вымпел капитанов Низовцевых

Долго плыл рыжий горбатый берег. Низкорослые ели, умытые частыми дождями, не потеряли еще яркой зеленой окраски лета, но осень в эту пору уже прочно властвовала над Печорой. В шорохах тайги, в ветре, прорывавшемся сквозь хвойные заслоны густых елей словно только для того, чтобы броситься наперерез старенькому землесосу «8», чувствовалось ворчание осени.

В первый раз за многие годы возвращался землесос «8» без своего капитана Василия Андреевича Низовцева. Все лето судно проплывало в притоке Печоры, на реке Ижме, углубляя ее, с новым хозяином — дипломированным капитаном Фаной Васильевной Низовцевой! Это была ее первая самостоятельная навигация.

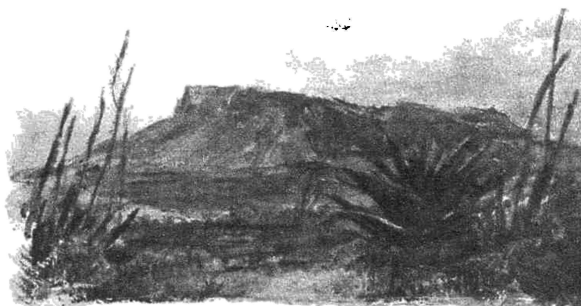
По всей большой реке, протянувшейся более чем на полторы тысячи километров, прошел слух о том, что старый Низовцев, уходя на пенсию после пятидесяти лет плавания, передал вымпел своей дочери. Женщина-капитан! Этого на Печоре еще не было. Видели женщин — помощников шкиперов, знавали немало баненщиц, а вот капитанов не встречали. Добрая есть традиция у речников Печоры — преемственность профессии!

А. ЕФИМОВ

г. Печора.

Рисунок И. Михайлина.

НГУЛА

Рассказ

Катарина Сусанна ПРИЧАРД

Рисунки Ю. Ракутина.

Катарина Сусанна Причард — крупнейшая прогрессивная австралийская писательница и общественная деятельница, активная участница движения в защиту мира. В 1933 году она приехала в Советский Союз и посвятила нашей стране книгу очерков «Подлинная Россия», в которой взволнованно и восторженно говорит о достижениях СССР, о героическом труде советских людей.

Советским читателям имя Катарина Сусанна Причард известно по ее трилогии «Девяностые годы» (1946 г.), «Золотые мили» (1948 г.), «Крылатые семена» (1950 г.), посвященной истории зарождения и развития рабочего движения на золотых приисках Австралии. В своем творчестве К. С. Причард дает широкую картину жизни трудового народа Австралии, картину правдивую, неприкрашенную, свободную от налета дешевой экзотики. Произведения ее проникнуты глубокой любовью к австралийским трудящимся.

В этом номере мы помещаем новый, нигде ранее не печатавшийся рассказ Катарина Сусанны Причард «Нгула».

Спотыкаясь и пошатываясь, старик брел по песчаной тропинке. Она извивалась по отлогому склону холма, поросшего редкими кустами терновника.

Мэри встретила старика, возвращаясь с работы. Он окликнул ее. Мэри остановилась, и он, устало волоча ноги, подошел к ней. По толстому слою красноватой пыли, покрывавшей его торчащие из ботинок пальцы со сломанными ногтями, Мэри догадалась, что старик идет издалека.

— Миссис, вы не знаете девушку по имени Нгула в туземном городке?

— Никогда не слыхала о ней, — ответила Мэри и пошла своей дорогой.

Была суббота, и Мэри спешила домой. Она поднималась по тропинке в гору с туфлями в руках, тяжело ступая босыми ногами, склонив гибкое тело под тяжестью сетки, полной мяса и овощей для праздничного обеда. Отвечая на взгляд старика, она подняла на него свои красивые карие глаза туземки; однако волосы ее были не черные, а красновато-коричневого цвета, и кожа слегка отсвечивала желтизной.

«Старик, видимо, совсем чужой в этих местах, — подумала Мэри. — Бродяга из какого-нибудь кочевого племени. Их остатки странствуют по всей стране и иногда заходят в поселок туземцев на дальнем склоне холма».

Мэри мало общалась с буйной пестрой компанией,

осевшей в поселке, хотя и была в дружеских отношениях с некоторыми стариками. Жила она на окраине поселка. Муж Мэри — тоже цветной — часто подтрунивал над ее стремлением жить так, как живут белые женщины: выглядеть respectable, содержать «дом» в чистоте и порядке, как ее учили в миссионерской школе.

Дом Мэри был недалеко — приземистая, темная хижина, построенная из ржавых консервных банок и остатков старых бревен, с крышей, сильно протекавшей во время зимних дождей. Но земля, на которой стояла лачуга, принадлежала Мэри, и она всегда гордилась этим. Она купила участок на деньги, заработанные стиркой и уборкой в городе; годами она собирала и откладывала их. Дети Мэри выросли и разбрелись по свету, и теперь она работала, чтобы построить на своей земле дом — маленький деревянный домик с крышей из рифленого железа.

Несколько кустиков герани и помидоров росло в сухом песке около хижины — Мэри называла это своим садом. Она с любовью задержала взгляд на растениях перед тем, как открыть дверь и войти в единственную комнату своего жилища.

Огорченная тем, что муж, поев, так и оставил после себя на столе грязные тарелки, Мэри повесила сумку, убрала со стола, затем зажгла огонь на открытом очаге, подмела пол, вымыла посуду, нарезала в кастрюльку мясо и овощи, принесенные из города, и поставила жаркое тушиться на огонь. Тед должен был скоро прийти обедать, хотя часто по субботам он так напивался, что, вернувшись домой, мог лишь растянуться на постели и проспать до утра.

Закончив уборку, Мэри подошла к двери: ей хотелось узнать, прошел ли в поселок встретившийся ей по пути старик. Она уже жалела, что так резко обошлась с ним. Взглянув на дорогу, Мэри увидела, что он зажег маленький костер на крутом склоне холма. До нее донеслось печальное, монотонное пение.

Почему старик, спрашивая о девушке, назвал ее туземным именем? Ведь этих имен никто не знает. Большинство женщин поселка даже не помнит, были ли у них когда-нибудь туземные имена. Всех девушек теперь звали Джен, Китти и Дульси.

«Нгула»... Что-то тревожно-знакомое было в этом имени. Казалось, Мэри слышала его раньше, но где и когда, она вспомнить не могла.